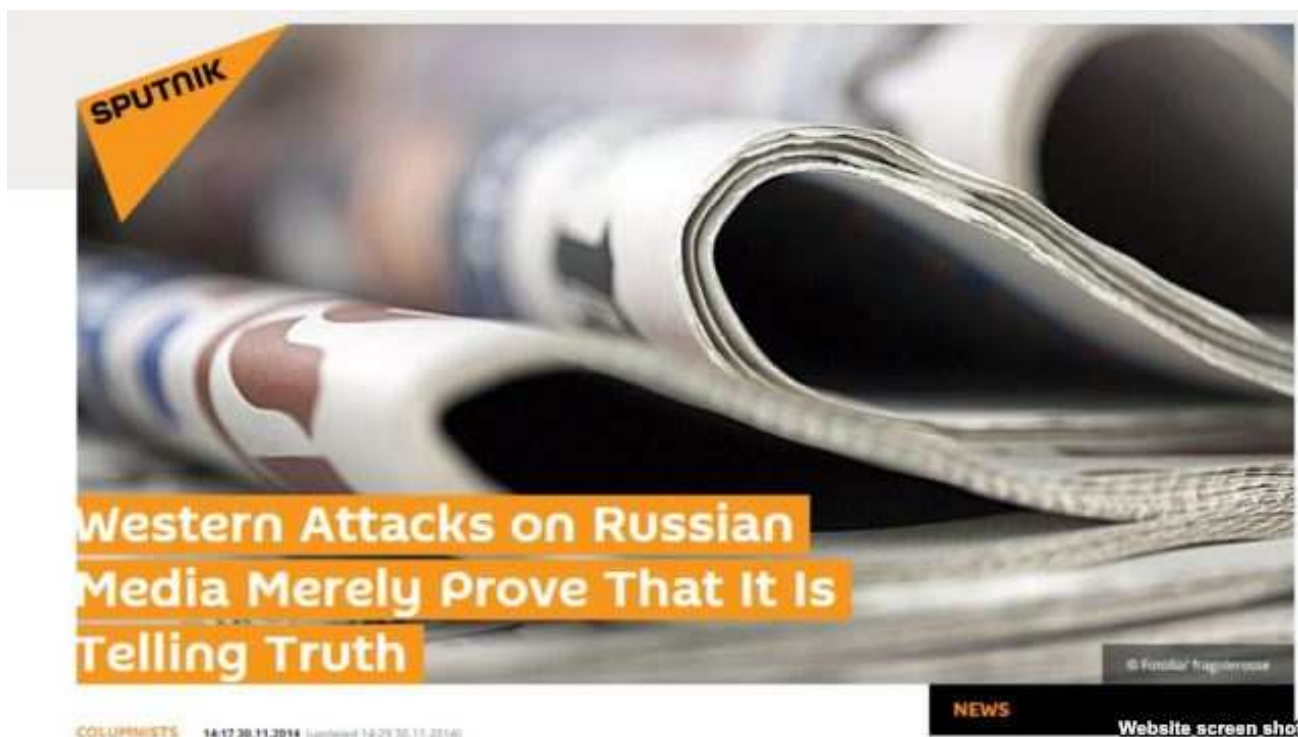

Путин, марьиванна и "украинцы в телевизоре"

От КПСС до Путина: каков был путь к новой цензуре и новой медиареальности в России

[1]

Иллюстрация с англоязычного прокремлевского сайта: "Западные наскоки на российские СМИ лишь подтверждают, что те говорят правду"

Василий Гатов^[2]

Опубликовано 10.02.2015 20:33

имой 1987 года я перешел из "Московского комсомольца" на работу в еженедельник "Неделя". В 22 года я попал в храм советской журналистики. На третий день работы мне принесли форму для визитных карточек и инструкцию – как их получить.

Среди необходимых шагов имелся и такой: "Подписанную руководителем отдела и секретарем редакции форму сдать в комнату 601 для получения

согласования". Я заполнил бланк, подписал, у кого нужно, и постучался в дверь комнаты 601, располагавшейся в переходе между новым и старым зданиями "Известий". Меня впустили, суровые с виду мужчина и женщина читали гранки. Мой бланк взяла женщина и взглядом посадила меня на стул, обитый светло-зеленым дерматином.

Примерно через минуту она вернула мне мой бланк. Ниже макета визитки располагался штамп "Дозволено к печати". Цензор Комитета по охране государственных тайн в печати счел возможным напечатать 500 экземпляров моих визиток.

Прошло 28 лет. Мужчины и женщины с суровыми лицами блокируют сайты политических оппонентов режима в России. Существуют гласные и негласные ограничения на прием на работу определенных журналистов и редакторов; "черные списки" нежелательных экспертов и комментаторов.

Пережив небольшой по времени промежуток свободы, российские средства информации, кажется, вернулись туда же, откуда ушли в конце 1980-х – на порог цензорского кабинета, где дозволяют к печати. С той только разницей, что эта "новая цензура" уже не только внешний инструмент контроля над СМИ. Она стала в России их природой, переварив почти все живое и ценное, что было в этом, и ранее не самом здоровом, организме.

Вот так все заново начиналось

Сегодня мы постоянно используем термин "цензура" по отношению к российским СМИ, прежде всего государственным. Между тем, к советской цензуре нынешнее состояние журналистики и используемые государством способы управления имеют лишь косвенное отношение. Главлит при Совете министров СССР был прежде всего инструментом предварительной цензуры, задачей которого было не допустить в принципе появления нежелательного содержания на страницах газет или в эфире телевидения. Центральной функцией была (по крайней мере, официально) "охрана государственных тайн в печати". Многие советские журналисты помнят серые тома "Перечня организаций и предприятий, разрешенных к упоминанию в открытой печати", равно как и окошко военной цензуры (в Москве она находилось на Кропоткинской улице), куда отвозился всякий материал, упоминающий армию, внутренние войска и даже пожарные части.

Освобождение российских (точнее, еще советских) средств информации от цензуры произошло в августе 1990 года – типографии перестали требовать

наличия штампа Главлита. Наступил короткий период, который сделал прессу настолько свободной, насколько она сама захотела быть.

Фейки в российских соцсетях

Но, столкнувшись с экономическими сложностями 1991-92 годов, "старые советские газеты" тут же бросились просить помощи у президента и правительства, которых они нещадно критиковали. Аргументация "Известий", "Комсомольской правды", "Труда", "АиФ" и других изданий-"прорабов перестройки" включала в себя напоминание об "обязанности государства поддержать свободу слова" и требование "расплатиться за поддержку" в ходе драматических событий тех лет. Администрация Бориса Ельцина пошла навстречу редакторам (многие из которых были народными депутатами), предоставив, например, редакциям помещения на правах "безвозмездного пользования". Для некоторых СМИ эти помещения стали не только палочкой-выручалочкой в период экономических неурядиц начала 90-х, но и источником дохода в более поздние периоды, а также причиной их "инвестиционной привлекательности" для олигархов.

Основы для будущих негативных изменений закладывались уже тогда – через политически мотивированные льготы, с одной стороны, и через активное "перемешивание" журналистов с политической и экономической элитой, с другой. Именно в раннем периоде появились государственные субсидии СМИ, ставшие потом одним из краеугольных камней "новой цензуры".

Планерки по пятницам

Зима 1995 года для российской власти была очень трудной. Главной проблемой был дряхлеющий президент Ельцин, электоральные рейтинги которого были на крайне низком уровне. Вполне свободная политическая дискуссия в СМИ также не была позитивной для Ельцина и его правительства – газеты и телеканалы критиковали руководство страны и справа, и слева, и за дело, и просто так.

Чеченская кампания вообще была первым "звоночком" меняющегося отношения к свободе слова и свободе СМИ в России. Она начиналась при практически

полной свободе деятельности журналистов – как участник освещения штурма Грозного зимой 1994-95 годов и многих других событий тех лет, я могу припомнить только проблемы с доставкой в район боевых действий съемочных групп и реальную опасность для жизни операторов и журналистов. Но уже к осени 1995 года руководство армии и особенно прикомандированные сотрудники ФСК/ФСБ стали активно противодействовать самостоятельной работе в Чечне и окрестностях. Российские телеканалы разделились на тех, кому было предписано "ездить на броне" (прежде всего, это журналисты РТР, в меньшей степени тогда – Первого канала/ОРТ), и тех, кто предпочитал работать независимо от военных, – НТВ, ТВ-6 и некоторые другие.

Но, когда было решено добиться победы Бориса Ельцина на выборах в июне 1996 года, многое изменилось. Поддержка со стороны "семибанкирщины" (группы из семи, а на самом деле из девяти, представителей крупного российского финансового бизнеса) означала подключение к деятельности штаба не только телеканала НТВ, принадлежавшего Владимиру Гусинскому, и ОРТ, которое контролировал Борис Березовский, но и многих печатных изданий, которые так или иначе "кормились с руки" этих и других олигархов. Задача удержания власти в руках Ельцина из организационно-политической стала медийной. Убедить страну в необходимости второй раз проголосовать за ее первого президента решили через активное медийное давление, коррекцию повестки дня и информационный прайминг. Примерно с начала лета 1996 года в практику администрации президента (по воспоминаниям участников, еще до назначения Анатолия Чубайса на пост ее руководителя) вошли "медиапланерки по пятницам". Вначале, как вспоминает Сергей Зверев, занимавший одно время пост первого заместителя главы администрации, это были "политические совещания, на которых обсуждалась повестка дня наступающей недели и вырабатывались предложения по тому, как освещать эту тему в медиа, прежде всего, на ТВ". После таких совещаний либо сам руководитель администрации, либо уполномоченные заместители "доносили" до руководителей главных телевизионных каналов "задачи власти". Государственные пиарщики стали активно вмешиваться в то, как новостные программы подают информационную картину дня.

Глеб Павловский утверждает, что концепция "медийного управления" была предложена Фондом эффективной политики еще летом 1996 года – не как срочная и временная мера, позволявшая решить проблему выборов, а как постоянная модель политики администрации президента. Детализированные предложения появились в 1997 году – в разгар информационных войн между олигархическими медиа.

Отдаться с радостью

Крупнейшие средства информации России в 1990-х и в самом начале 2000-х годов контролировались несколькими финансово-промышленными группами. "Медиа-Мост" Владимира Гусинского с НТВ в центре располагал еще и популярной газетой, журналами, издательствами, кинокомпаниями. Борис Березовский контролировал не только ОРТ (Первый канал), но – через сложную структуру собственности – еще и целый куст газет. Прежде всего, "Независимую" и, с 1999 года, "Коммерсантъ". Свои медиа были и у "Лукойла", и – чуть позже – у РАО ЕЭС, у "Интерроса" Владимира Потанина и "Менатеп" Михаила Ходорковского. Для основных игроков экономического и политического поля России после чуда июля 1996 года – победы во втором туре президентских выборов Бориса Ельцина – становилось понятно: конструирование псевдореальности дает свои результаты. Кто ее конструирует, тот и извлекает прибыль – коммерческую или политическую.

Фейки в российских соцсетях

Собственникам было важно, чтобы "их" издание или телеканал не задевал интересы бизнес-партнеров, в том числе государства. Кроме того, собственники хотели иметь послушных и услужливых руководителей в редакции, через которых в любое время можно было неформально "решить вопросы". Именно период олигархического владения познакомил редакции с концепцией "импланта" – сотрудника, который имеет некие "полномочия" от владельца и в той или иной мере может контролировать редакционные процессы. Если в период "битвы компроматов" и использования СМИ в качестве "сливных бачков" основные полномочия таких "имплантов" были в области безопасности, то позже функции этих смотрящих были сильно политизированы.

Интересно, что некоторые "старые" средства информации, сменившие владельцев в этот период, начали активно демонстрировать признак готовности к политической и тематической цензуре со стороны владельцев и кормильцев. Например, сугубо "перестроечный" "АиФ", который завоевал свою популярность и небывалый тираж именно на продвижении ультралиберальной повестки дня

при Владиславе Старкове, после того, как редактор-основатель отошел от дел и продал контрольный пакет группе "Промсвязькапитал", стал "подстраиваться" под интересы нового собственника. Братья Алексей и Дмитрий Ананьевы – люди православные и открыто это декларирующие. Не прошло и нескольких месяцев после покупки, как редакция "АиФ", до того сугубо атеистическая и критичная по отношению к официальной церкви, не просто стала проправославной, но и привлекла к авторству "приятных" собственникам авторов, в том числе о. Тихона Шевкунова.

Начало "славных дел"

Советская цензурная политика была внешним проявлением партийной политики: кадровые, номенклатурные фильтры были ее основой. КПСС выбирала и расставляла журналистские кадры, вмешивалась в литературные, кинематографические и даже музыкальные процессы. Политическая лояльность журналистов обеспечивалась партийным контролем над редакциями и "вменяемостью" их руководителей, которые крайне редко были выходцами из чисто профессиональной среды; в последние годы СССР редакторами газет были, почти поголовно, бывшие секретари обкомов и горкомов или заведующие идеологическими отделами. Например, Павел Гусев возглавил "Московский комсомолец" в 1986 году, перейдя с должности секретаря Краснопресненского райкома партии. Александр Потапов, возглавивший "Труд" в 1990-м, был заместителем заведующего идеологическим отделом ЦК, отвечавшим, в частности, за Главлит. "Вменяемость" главных редакторов обеспечивалась горизонтальными и вертикальными связями в номенклатуре КПСС.

Фейки в российских соцсетях

Приход в Кремль Владимира Путина летом 1999 года потребовал очередной мобилизации медиаресурсов. Избранник и будущий наследник Ельцина не был публичным политиком, и его фактическая узнаваемость была близка к нулю. О точных сроках решения Бориса Николаевича не знал заранее никто – исходили из "в любой момент". Но в администрации президента, а главное, вокруг, уже были команды чиновников, политтехнологов и творческих исполнителей, которые были готовы "решить проблему".

Практика "политических летучек по пятницам" изменилась именно в это время – на них стали непосредственно приглашать руководителей главных телеканалов. Сначала их проводил лично руководитель администрации Александр Волошин, позже эта функция перешла к Алексею Громову – сначала пресс-секретарю Путина, а потом заместителю главы администрации президента. С 2000 по 2008 год бывали также "планерки у Суркова" – в особенности, когда речь шла о мероприятиях "Единой России" или региональной политике. Если "громовские" мероприятия подразумевали скорее согласование "повестки дня" и распределение информационных обязанностей между ключевыми телеканалами, то "сурковские" планерки, по свидетельству присутствовавших, были фактической диктовкой необходимого содержания.

"Громовские совещания" сформировали новую "номенклатуру" – группу связанных через допуск на них менеджеров СМИ. После "укрощения НТВ" на пятничные совещания стали приглашать новое руководство канала, в 2006-м в конклав добавили Маргариту Симонян, руководство РЕН ТВ и ТВЦ.

Медиаоперация по внедрению в сознание жителей России светлого образа молодого питерского контрразведчика снова потребовала консолидации усилий от разных, зачастую конкурирующих между собой СМИ – как государственных, так и частных, олигархических. Это взаимодействие было обеспечено двумя главными строителями "новой цензуры" – Алексеем Громовым и Михаилом Лесиным (который начинал в ВГТРК, был министром печати, советником президента и, до последнего времени, руководителем "Газпроммедиа").

В фундаменте "новой цензуры" оказалась специфическая, постпартийная лояльность редакторов, ключевых журналистов и профессиональных групп – именно ее обеспечили Громов и Лесин.

Так победим!

История разгрома группы "Медиа-Мост" Владимира Гусинского – это, безусловно, ключевое событие в становлении "новой цензуры". Принципиальные разногласия Гусинского с властью были и "спором хозяйствующих субъектов", и, безусловно, элементом борьбы за самостоятельное управление повесткой дня. Атака на "Медиа-Мост" в том числе преследовала цели исключения из массовой медиаповестки тем и событий, персоналий и оценок, которые противоречили интересам кремлевской группы.

Хотели того или не хотели организаторы и исполнители разгрома "уникального журналистского коллектива", но после 14 апреля 2001 года у них появилось то,

чего не было до этого, – "пугалка", метод устрашения "невменяемых". Те немногие, кто выбрал путь сопротивления и критики, составили основу "черных списков" – людей, чьи кандидатуры не могут вообще рассматриваться в качестве журналистов, менеджеров и "лиц" государственных и окологосударственных СМИ.

Фейки в российских соцсетях-Ukrainian Crisis

В конце апреля 2000 года, в разгар избирательной кампании, в руки заведующей отдела политики журнала "Коммерсант-Власть" Вероники Куцылло попал документ, получивший с легкой руки службы заголовков издательского дома "Ъ" название "Редакция № 6"^[3]. Глеб Павловский, который в то время был более чем близок к кремлевской политике, отреагировал на просьбу вспомнить о "Редакции номер шесть" смешанным мемуаром: с одной стороны, он сказал, что сомневается в документе; чуть подумав, сказал, что "помнит эту лексику и ее детали", однако назвать авторов не смог.

"Редакция номер шесть" предполагает, что будущей администрации президента Путина придется жить в ситуации, когда политику надо будет разделить на "открытую" и "секретную". Открытая политика должна декларировать приверженность нормам конституции, права, международных обязательств и политических стандартов. "Секретный компонент" политической работы администрации, между тем, должен практически полностью восстановить функции идеологического и организационного контроля над всеми элементами гражданского общества.

"Моральное состояние общества, – пишут анонимные авторы, – в настоящий момент отвергает любые *прямые* заявления и действия, со стороны Президента РФ и его Администрации, которые могут быть направлены на подавление оппозиции и ее лидеров, а также на взятие под контроль средств массовой информации и информационных коммуникаций, поэтому разработчики данной программы определяют исключительно важной стратегическую тактику *ведения Политическим Управлением Президента РФ "двойной" линии в построении своей работы* – "открытой" (официальной) и "закрытой".

К числу "закрытых" задач "Редакция №6" относит и установление контроля над

средствами информации и журналистами. Например, предлагается в рамках политического управления Администрации Президента РФ:

"– Влиять на деятельность средств массовой информации ... путем сбора и использования специальной информации о ведении коммерческой и политической деятельности каждого СМИ, о его кадровом составе, о руководстве организаций, источниках финансирования, финансово-хозяйственной и материально технических базах, официальных и неофициальных контактах, финансовых партнерах и др.;

– Влиять на деятельность журналистов ... путем сбора и использования специальной информации о ведении профессиональной журналисткой, коммерческой, политической деятельности, об источниках финансового обеспечения, месте работы, официальных и неофициальных контактах, финансовых и личных партнерах и др."

Еще более откровенным выглядит предложение двух механизмов работы со СМИ. Первый механизм, по мнению авторов, должен представлять собой структуру (с использованием возможностей отделов Управления), которая могла бы отслеживать, накапливать, перерабатывать полученную информацию и "вбрасывать" обратно в общество, но в "нужном свете". Второй механизм, который ими предлагается, это "доведение оппозиционных СМИ – или сочувствующих оппозиции СМИ, до финансового кризиса, отзыв у них лицензий и свидетельств, создание условий, при которых деятельность ... становилась бы управляемой, или невозможной".

Всего несколько месяцев спустя в результате "следственных действий" администрация президента установила уверенный контроль над НТВ, а заодно и над другими активами "Медиа-Моста", вытеснила Бориса Березовского из ОРТ, шаг за шагом приближаясь к той системе, которую описали анонимные авторы "Редакции номер шесть".

Приступая к Реставрации

В 2002-2004 годах в Россию пришла вторая волна терроризма. Придавленные военно-полицией операцией в Чечне боевики своеобразно скопировали опыт "Аль-Каиды", перенося часть своей войны в мирные города противника. Трагедия на Дубровке и в особенности Беслан стали основанием для фактического выстраивания еще одного фундамента "новой цензуры" – концепции добровольного самоограничения информационных организаций.

В событиях на Дубровке и в Беслане террористы прямо использовали СМИ как способ сообщить свои требования, идеи и угрозы; камеры прямого эфира окружали места трагических событий. Да, это было развитием "темы", заявленной в Буденновске с целым автобусом журналистов. Но одно дело – глубокая провинция с плохими дорогами, транспортной доступностью и связью, а другое – центр Москвы или пригород Владикавказа. Изолировать, отстранить журналистов от самого важного события было невозможно – но это не значит, что у Кремля не было такого желания.

Основным инструментом тут оказалось законодательное регулирование и – по разным причинам – готовность средств информации к саморегулированию (и самоцензуре) в этих вопросах. Редакторы обсуждали кодекс поведения журналиста в зоне чрезвычайной ситуации, а Государственная Дума дополняла Закон ФЗ-114 "О противодействии экстремистской деятельности", не только ограничивая деятельность СМИ в таких ситуациях, но и вводя ответственность за "информационное пособничество террористам".

В этот период начинает формироваться и новая кадровая модель основных СМИ – государственного холдинга ВГТРК, Первого канала, НТВ, информационных агентств. Практически везде те или иные ключевые позиции в области информации занимают люди, в лояльности которых администрация президента – точнее, лично Алексей Громов – может не сомневаться. Информационное вещание на Первом канале в 2000-2004 годах символично возглавляет Сергей Горячев, начинавший свою карьеру непосредственно в Главлите. Его преемником станет Андрей Писарев, совмещавший должность на канале с руководством идеологическим отделом "Единой России". "Вертикаль" ВГТРК обеспечивается Олегом Добродеевым, вхожим непосредственно к президенту.

Фейки в российских соцсетях

В новой системе не хватало только одного "старого" элемента – идеологии. Первый срок Путина был показательно деидеологизированным, прагматическим – сейчас, задним умом, становится понятно, что это не случайность. Хотя мозговым штабом Путина – Центром Грефа – были разработаны определенные долгосрочные планы реформирования, никакой идеологии в них не было заложено. Это была классическая "организационная экономика", создание объективных и универсальных условий роста и развития. Цель

существования страны, идеологизированное описание будущего и другие элементы подлинного стратегического плана либо отсутствовали, либо были отданы на откуп Владиславу Суркову – в полном соответствии с идеями "Редакции номер шесть" будущий серый кардинал стал заниматься молодежными организациями в поддержку Путина и консолидацией политического спектра (с одновременной дискредитацией всех, кто может представлять электоральную угрозу). Важным элементом процесса стал Фонд "Общественное мнение" Александра Ослона: во время реализации "проекта Путин" ФОМ привлекли для социологического обеспечения действительно трудной задачи по позиционированию будущего президента в сознании населения и контролю за эффективностью процесса. В 1997-2001 годах ФОМ также активно работал над составлением "карт влияния" политических и информационных организаций, персоналий и неформальных групп ("проект "Коммуникаторы").

Тем временем другие участники процесса формирования "новой цензуры" занимались пусть не очень быстрым, но уже неотвратимым процессом построения своей системы.

Право на желтый телефон

В 2005-м практика управления СМИ в России оформилась в некоторую стабильную форму и почти без изменений просуществовала вплоть до настоящего времени. Сложившаяся модель показала себя вполне устойчивой и эффективной, она даже оказалась способной адаптироваться к прогрессивным веяниям (хотя бы с технологической точки зрения). Однако именно в это время система претерпела эволюцию: нащупав рычаги контроля над информационным полем, она пошла дальше и начала вмешиваться в структуру повестки дня. Также система была вынуждена расширить зону своего влияния – с традиционных СМИ на "новые медиа", из вещательного сектора – в интерактивный, из внутренней повестки – в международную.

"Новая система" строится на новых принципах. По мере того как отдалялось советское прошлое, ленинские, сталинские, ждановские идеи в области пропаганды и информации заменялись менее идеологическими и более качественными (с точки зрения результата) конструкциями.

Фейки в российских соцсетях

"Система" вынуждена оперировать в ситуации, когда – по крайней мере, на бумаге законов – реализован запрет на цензурные функции. При этом задачи "системы цензуры" совпадают с интересами "системы власти": обеспечить максимальное сохранение и максимальное выживание существующей модели, какими бы в конкретный момент времени оправданиями ни пользовался ее лидер. Это могут быть, как показывает практика 2000-2015 годов, и "противостояние терроризму", и "построение вертикали", и "инновационное развитие", и даже "духовные скрепы". Задача "новой цензуры" – обеспечить такие изменения повестки дня, чтобы значительное большинство общества поддерживало соответствующие идеи вне зависимости от того, какое мнение у этого большинства было вчера или есть сегодня по поводу близкой ему повестки дня (локальной, профессиональной или социальной).

После 2005 года медиауправление обеспечивало прежде всего "стабильность" сообщений и имиджа Путина; наверное, очень и очень внимательное исследование состава новостей и верстки программ на разных телеканалах позволило бы обнаружить вмешательство Кремля – скорее всего, на уровне именно структуры и порядка расположения информации. Безусловно, деятельность Владислава Суркова по "консолидации" разных групп вокруг Путина и "Единой России" (молодежные проекты, "Наши", "Молодая гвардия" и прочее творчество масс) получала "зеленый свет" на государственных каналах и в подконтрольных государству частных СМИ. Однако это виделось в то время как некая "плата" за возможность существования в эфире и на страницах всего остального.

Между тем, именно на этот период – 2005-2008 – приходится подготовка к второму этапу "новой цензуры". Михаил Лесин, покинувший в 2004 году пост министра по делам печати и средств массовой коммуникации, стал советником президента и приступил к созданию системы формирования повестки дня.

Светлана Миронюк, главный редактор РИА "Новости" в 2003-2013 годах, вспоминает об этом периоде так: "Нет и не было никакого запугивания. По крайней мере – прямого запугивания редакторов и собственников. Как в том анекдоте – "всё сама, сама, сама". Деградация системы отношений "власть – медиа" происходила поэтапно, пошагово, опосредованно и

персонифицированно. Не было изначальной системы правил: так делать правильно, а вот тот, кто не делает, как нам нужно, – тот враг. Нет, такого не было. Это все было выстроено по-другому. Не было никогда того самого firewall или стены, как в нормальной редакции, между властью и СМИ. Они с самого начала 2000-х условно для власти делились на три группы: чужие ("Ведомости", "Форбс", "Газета.ру", "Лента.ру" и немногие другие, в последнее время – "Дождь"). Чужих нельзя попросить что-то сделать [для Кремля] или не делать чего-то. С ними как с западными СМИ – серьезные деловые отношения (или никаких отношений). Далее – "свои" – это гос-СМИ (очень по-разному "свои"), сначала они, например, Виталия Игнатенко (руководителя ИТАР-ТАСС) уважали и не давили особенно. Костя (Константин Эрнст) всегда был на особом положении. "Свои" также были такие, как "КП" и Владимир Сунгоркин: внешне как бы независимые. Или как "Интерфакс" и Михаил Комиссар. Позже в списке "своих в доску" появился Арам Габрелянов. Скажем, Сунгоркин по степени интимности [отношений с Кремлем] всегда был ближе и довереннее, чем я. Это все строилось на личных отношениях Громова и его группы с главредами, а также на некотором бартере. Мы тебе эксклюзивное интервью – ты нам услугу в ответ. И наконец, третья категория – "полу-свои". Или "полу-чужие". Поначалу в этом списке был "Коммерсант", "МК", "АиФ" и "Эхо Москвы", то есть те, с кем можно договориться, но не всегда".

Кроме того, в 2004-2005 годах появился еще один ключевой элемент медиауправления, о котором Миронюк рассказывает так: "Где-то году в 2002-м, еще до меня [до назначения в РИА Новости], Лесин соединил себя и всех главредов государственных СМИ прямой выделенной связью. Специально прокладывали прямую линию по Москве от здания Минпечати на Страстном бульваре до всех редакций. Это делал Корявов, тогдашний замминистра. А в 2004-2005 годах на все выпуски агентств и ТВ протянули особый кабель АТС-2... Это односторонний желтый телефон без диска. По нему можно только принимать звонки, но не звонить. [Сейчас] коммутатор от этих "телефонов без диска" – у Алексея Громова. Это и есть главный механизм управления СМИ. Кстати, такой же телефон стоит и в независимом "Интерфаксе" все эти годы также на выпуске".

"Творцы" новой реальности

Последняя пятилетка "новой цензуры" – это время, когда факт ее существования уже не был ни для кого секретом, тайной или фигурой умолчания. Хотя с 2008-го по 2012-й местоблюстителем президентского кресла работал Дмитрий Медведев, для подконтрольных (или попадавших под контроль) средств информации ничего особенно не менялось. Их куратором оставался Алексей

Громов.

Экономический кризис 2008-2010 годов сильно ударил по российским медиа. Формально рынок СМИ еще продолжал существовать, но все большее значение приобретали те или иные формы субсидий – прежде всего в виде договоров на "информационное обслуживание территорий". Эта форма финансового контроля со стороны губернаторов за местными средствами информации постепенно распространилась и на столицу.

Фейки в российских соцсетях

Главная новация последнего периода "новой цензуры" – это, конечно, полный запрет на формирование в подконтрольных СМИ, прежде всего ТВ, собственной повестки дня. России – какой ее понимает "коллективный Путин", какой ее хотят видеть его верные до поры до времени лейтенанты – не нужна подлинная повестка дня. Наоборот, единственным инструментом управления несовершенным российским обществом является сконструированная повестка, которая буквально "впечатывается" в общество полностью телеканалами.

"Новая цензура" не просто исключает из информационной повестки реальные события. Она подменяет их имитационными сообщениями, которые должны создавать у зрителей ощущение зависимости от главного героя сюжетов. В период украинского кризиса модель даже не была изменена, лишь поменялся "полюс" коммуникации: в центр была поставлена идея "фашиствующих бандеровцев", которые, вместе с теми, кто их "вырастил", практически готовят наступление на Россию (или, скорее, ее интересы – но, в рамках половиной пропаганды, можно и нужно сказать, что война уже практически началась). Конструирование повестки дня достигло своего пика в начале лета, когда российские телеканалы захлеб рассказывали о Гиркине-Стрелкове как о "спасителе русских в Донбассе".

Не стоит думать, что эти извращения были импровизацией группы сотрудников администрации президента, командированных управлять новостями Первого канала или ВГТРК. Такие "прикомандированные", безусловно, есть – и многие тексты "Вестей" или "Времени" появлялись в эфире и на веб-сайтах каналов без малейшего вмешательства редакторов. Впрочем, если бы – после всей произведенной кадровой селекции – редакторам разрешили поправить

творчество безымянной "творческой секции администрации", было бы только хуже. "Новая цензура" отличается прежде всего тем, что стимулирует журналистов (наверное, журналистов в кавычках) не только обслуживать предложенную Кремлем повестку, но и творчески развивать ее.

"Распятый мальчик из Славянска^[4]^[5] – это просто лежащая на поверхности история чудовищной лжи. Гораздо важнее – и опаснее в перспективе – небольшие, зачастую полужаметные мутации, которые случаются с прежде нейтральными программами или авторами. Проникновение темы "зверств украинской армии в Донбассе" в шоу "Пусть говорят" превращает любимую Константином Эрнстом "марьяванну из иванова" в носителя необходимого агрессивного вируса. Она, эта легендарная женщина чуть старше 50, брошенная мужем и воспитывающая сына-наркомана на грани призыва в армию, становится не только жертвой манипуляций, но и естественным, убежденным сторонником ненависти. В данном случае – к малоизвестным ей "украинцам в телевизоре, которые жгут шины"; этот мир для нее сконструирован. В нем есть враги и противостоящий им Путин. Масштаб ее ненависти к врагам – функция от любви к Путину, и наоборот. Структура, всеохватность и постоянство предлагаемой "марьяванне" повестки дня таковы, что она, эта усредненная и абстрактная Россия, не может не ответить социологам, что единственной опорой ее жизни является Путин.

Подводя итоги

Можно было бы и дальше описывать и детализировать "новую цензуру", приближая ее примерами и деталями к вчерашнему выпуску новостей или публикациям в государственных СМИ. Однако важнее сконцентрироваться на тех принципах, которые созданная система применяла и применяет.

Практически все они основаны на "двоемыслии", которое было предложено в качестве основной государственной политики анонимными авторами "Редакции номер шесть". Эти принципы являются не чем иным, как отрицанием демократии как таковой. Используя средства информации как инструмент медиавоздействия, уполномоченные чиновники (равно как и сам президент) обеспечивают управление аудиториями и избирателями, заставляя их принять искусственную повестку за настоящую. Контроль над социологическими исследованиями гарантирует им эффективную отчетность перед "заказчиком" – президентом России.

Важнейший аспект трагедии российских СМИ – тот, что они практически соглашаются с предлагаемыми условиями существования – за минимальным

исключением. Для некоторых это согласие – корпоративное или личное – просто условие выживания; но не так уж и мало тех, кто не просто соглашается с государством-манипулятором, но и опережает его, предлагая творческое развитие идей официального путинизма.

Сохраненные и развитые элементы прошлого помогли создать систему, в которой до основной аудитории могут прийти только полностью созданные в Кремле сообщения. Естественная, натуральная, существующая повестка дня никуда не делась, просто она исключена из сообщаемой россиянам реальности.

Василий ГАТОВ – журналист, медиаменеджер, вице-президент Российской гильдии издателей периодической печати, член правления всемирной организации издателей IFRA

Links

1. http://gdb.rferl.org/0EC04A1A-BC28-4A06-93C8-E73C1BFCACB6_mw1024_s_n.jpg
2. <http://www.svoboda.org/author/95312.html>
3. <http://www.kommersant.ru/doc/16875>
4. <http://www.svoboda.org/content/article/26677940.html>
5. <http://www.svoboda.org/content/article/26677940.html>

Get a free Evernote account to save this article and
view it later on any device.

Create account